

Бурчина Дарима Афанасьевна
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия

МАНГАДХАЙ: К ТИПОЛОГИИ ОБРАЗА ВРАГА В БУРЯТСКИХ УЛИГЕРАХ

Аннотация: В докладе рассматриваются характерные черты образов мангадхаев – традиционных мифических противников богатырей в героико-эпических произведениях бурят; их функциональная роль в улигерах, типология образов.

Ключевые слова: улигер, мифология, героический эпос, враг, чудовище, мангадхай, функция, образ, типология.

Burchina Darima Afanasyevna
The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia

MANGADHAY: TO TYPOLOGY OF THE IMAGE OF THE ENEMY IN THE BURYAT ULIGERS

Abstract: The report examines the characteristic features of the images of the mangadhays - the traditional mythical opponents of the heroes in the heroic-epic works of the Buryats, their functional role in the uligers, typology of images.

Keywords: uliger, mythology, heroic epos, enemy, monster, mangadhay, function, image, typology.

Героико-эпические сказания бурят хорошо сохранили в своей структуре древние мифологические сюжеты и образы. Так, среди отрицательных персонажей едва ли не основное место в эпосе занимают мангадхай – демонические, нечеловеческие существа – постоянные противники героев-богатырей и лишь на втором месте – чужеплеменные ханы-захватчики. Кроме улигеров, образы мангадхаев широко представлены и в богатырских сказках. Но в сказках бытовых и сказках о животных, а также в мифах, легендах, преданиях, песнях, суеверных рассказах о нечистой силе (персонажах низшей народной демонологии) – они не упоминаются.

Несмотря на то, что образы чудовищ в системе персонажей бурятского эпоса занимают одно из главных мест, их изучению до настоящего времени не уделялось особого внимания. Исключение составляет лишь монография Н.Н. Николаевой «Отрицательные женские персонажи в героическом эпосе бурят: функции, семантика и поэтика» [Николаева, 2007], в которой автор даёт обстоятельный анализ «женских» особей чудовищ – мангадхаек. В работах же А.И. Уланова, Н.О. Шаракшиновой, М.П. Хомонова, М.И. Тулохонова и др. данная тема рассматривалась лишь в общем плане.

В связи с этим нами предпринята попытка более подробного рассмотрения так называемых «мужских» образов мангадхаев, представленных в улигерах в качестве противников, антиподов улигерных богатырей, их функции и характерные черты в типологическом плане.

Начнём с того, что мир героев и мир их врагов неизменно изображается в резком и последовательном противопоставлении. Мангадхай не обитают в том мире, где живут эпические герои. Они пространственно отдалены от них. Так, С.П. Балдаев пишет, что согласно легендам и преданиям бурят «злейшие враги человечества обитали в восточной стороне, за великой рекой Леной (Зулхэ). Эта страна была холодной, там беспрестанно дули ветры, росли чахлые берёзы, трава была выдута. Столицей этого государства был город Хонин Хото... Там жили мангадхай, помощниками которых являлись низшие духи бурятского пантеона: шулмусы, ...анахай, шудхэры... Мангадхай давали им поручения распространять среди людей болезни... устраивать засуху, недород, портить источники, сеять раздор, ненависть, злобу и клевету среди людей. Самым главным среди них был Лобсоголдой Хара мангадхай» [Балдаев, 1961, с. 59-60].

И в улигерах местожительством этих врагов человечества также представлена расположенная на севере или северо-востоке мифическая страна Хонин Хото – пустынный ветреный край, откуда нет возврата. Но вместе с тем в эпосе, как и сказках, мангадхай нередко появляются либо из-под земли, либо из воды (реки, моря) или спускаются с неба. Так, в «Айдар Мэргэне», записанном В. Галдановым от Г. Жабаева в 1934 г., 15-головый Асури Шара мангадхай появляется из моря и грозит проглотить пастуха, приведшего стадо на водопой. В эхирит-булагатской версии М. Имененова «Абай Гэсэр-хубун», 108-головый Кусающий Рыжий мангадхай (Зуун найман толгойто Зуудаг Шара мангадхай) появляется из-под вырванной с корнем златосеребряной осины, растущей вблизи туманного жёлтого моря (*шара бүрүүн далай*).

Эпические враги живут также в подземном (нижнем) мире (*доодо замби*), который зеркально отражает обычный, земной. Таким образом, по представлениям древних творцов, враждебные герою существа обита-

ют как под землёй, так и под водой. Связь мангадхаев с водой, часто проявляемая в эпосе, может, на наш взгляд, свидетельствовать о том, что предшественниками данных образов могли быть змеи. Так, зачастую улигерный герой, чтобы одолеть врага, спускается в море, превращается в змея («Гунхабай Мэргэн», «Арнай Гэрдэй Мэргэн», «Эрхэ Нюдэн хубун», «Могой Саган хубун» и др.). В улигере «Хан Сагта абхай» П. Дмитриева, Атури Хара мангадхай, спасаясь, прыгает в море, где его уничтожают собаки героини. В монгольском эпосе «Бум-Эрдэни» душа 25-голового мангуса находится в головах двух змей, высывающихся из ноздрей его коня; а старуха-мангадхайка – жена 108-голового Кусающего Рыжего мангадхая говорит, что выросла в середине чёрного моря, у подножья горы Хатан («Абай Гэсэр-хубун» сказителя М. Имегенова).

Местожительством мангадхаев в эпосе представлено также и небесное пространство. Так, в имегеновской версии «Абай Гэсэр-хубуна» герой, поднявшись к небожителям, видит на тёмной мрачной стороне неба (*харанхуй бүрүнхуй тэнгэри*) «указатель»: самая северная дорога – это дорога альбинов (*альбани харгуй*), за ней – дорога 108-голового Кусающего Жёлтого мангадхая (*Зуудаг Шара мангадхай*), а в улигере «Эрэ Тохоло Мэргэн», записанном Хангаловым от М. Муланова [Хангалов, 1903, с. 79-122], на помощь Такшил Лохор мангадхаю с небес по железной лестнице спускаются непобедимые и бессмертные мангадхай – подопечные 44 восточных левосторонних небожителей.

Согласно представлениям древних творцов эпоса, небесное пространство делилось по принципу бинарной оппозиции на правостороннюю (западную) и на левостороннюю (восточную) стороны, где первая мыслилась как светлая, положительная, а вторая – тёмная, отрицательная. По сюжетам бурятской Гэсэриады, появление на земле мангадхаев, принесших людям неисчислимые страдания и бедствия, произошло из-за низвержения останков побеждённого в борьбе главы отрицательных, левосторонних небожителей – Атай Улан тэнгрия.

Несмотря на многочисленность и разнообразие колоритных образов мангадхаев, в текстах улигеров нет подробных описаний их внешности, упоминается лишь наличие отдельных частей тела. В архаическом эхирит-булагатском эпосе – это фантастические чудища с гиперболизированным множеством (десятками, сотнями, тысячами) голов и жердеобразных рогов, олицетворяющими, очевидно, их силу и живучесть. По всей видимости, рога здесь по аналогии с животными (баранами, архарами, козлами), имеют большое значение: чем крупнее, выше рога – тем выше статус. За отсутствием имён, мангадхай различаются количеством этих атрибутов, а также эпитетами, определяющими их характерные признаки: 108-головый Кусающий Жёлтый мангадхай (*Зуудаг Шара мангадхай*), 13-головый Асурайский Жёлтый мангадхай (*Асуурай шара мангадхай*), где значения слов: «Асурайский» (санскрит. *Asura* 'демон; злой дух'), *Зуудаг* 'кусающий, кусачий' (бурят. *зууха* 'схватывать, держать в зубах; кусать (о собаке)'), указывают на враждебную человеку природу этих образов. У старух-мангадхаек причудливо сочетаются зоо-антропоморфные черты: «белая-пребелая голова, большой острогранный подбородок, единственный зуб во рту, единственный глаз на макушке и острый белый клюв [Абай Гэсэр Могучий, 1995, стихи 5433-5437, 7212–7222]. Неизменный атрибут этих старух – «тысячесаженная белая кожемялка-скребок» (*митан сагаан хэдэргэ*), которая по велению хозяйки, преследует улигерных героев.

В публикации М.Н. Хангалова дан впечатляющий образ Рогатого Рыжего мангадхая (*Эбэртэ Шара мангадхай*). Когда он ложится на землю, его нижняя челюсть упирается в землю, а верхняя – подпирает высокое небо. Он засасывает/заглатывает со струёй воздуха в свою пасть всё, что попадает – деревья с вершинами и корнями, зверей и птиц. Попадает ему в пасть и герой – Алтан Шагай Мэргэн [Хангалов, 1960, с. 281]. Идентичный образ чудовища представлен в имегеновской версии «Абай Гэсэр-хубуна». Это – 1008-головый Митурайский Жёлтый мангадхай, обладающий «страшной колдовской силой, сильными волшебными чарами». К нему в пасть преднамеренно попадает, превратившись в огромный камень, Гэсэр. Как видим, портретное изображение чудовищ в эпосе отсутствует. В основном это композитные образы, совмещающие части различных животных.

С развитием улигерного жанра происходит постепенная эволюция образов мангадхаев в сторону антропоморфизации. Многоголовость их становится рудиментарной. Так, в унгинском эпосе действует Одноголовый мангадхай Эрхэ Бойбер хубун – противник Позднорождённого Уландай Мэргэна. В унгинских улигерах мангадхаев называют в большинстве случаев «хубунами», т.е. парнями, удалцами, молодцами – потомками Чёрной Бабы, букв.: «Самки» (*Эмэ Хара мангадхай*), которая является их родоначальницей. Здесь следует заметить, что у улигерных чудовищ нет отцов, родство всегда ведётся по материнской линии.

Чёрная Самка-чудище имеет некоторые антропоморфные черты: спадающие на нос веки, свисающие на пуп груди, толстый живот, свисающий до колен; неизменный её атрибут – чёрная железная кожемялка-

скребок, которым она выделяет лосиную шкуру, ею же приподнимает веки, чтобы разглядеть героя-богатыря. Это же орудие труда она использует как оружие против героя.

В унгинских улигерах мангадхай по своим действиям, поступкам, образу жизни не отличаются от героев-богатырей: живут во дворцах, имеют войско, баторов, стада, табуны. В большинстве своём это – всадники. Но кони их, зачастую рисуются как клячи: «дайр сагаан азарга» – белый жеребец с ранами/ссадинами/коростами на спине. Чудовища жестоко обращаются с ними; погоняя, нещадно бьют так, что «обнажаются головки бедренных костей, выдавливаются белые бронхи».

В качестве ездовых животных у чудовищ служат также: рыжий волк (*гуре шара шоно*), красный бык (*улаан буха*), чёрный лысый мул/лошак (*халзан хара луус*). Но иногда встречается и пеший мангадхай («Хан Сагта Абхай» сказителя П. Дмитриева).

Улигершины часто подчёркивают характерную особенность мангадхаев-всадников: они, как правило, садятся и спешиваются с коня всегда с неправильной стороны – не так, как принято у людей, что свидетельствует о принадлежности этих персонажей к иному, нечеловеческому миру.

Вооружением мангадхаев, как правило, служат 40-пудовый чёрный железный молот (*дүшэн нүүд балта*) или дубина, большой белый топор (*тарбагай сагаан хүхэ*). В более поздних вариантах улигеров чудовищами используются иногда луки, стрелы и даже сабли.

В унгинском эпосе мангадхаям приписываются черты поведения, вполне свойственные человеку. Так, в петровском варианте «Абай Гэсэра», Абарга Сэсэн мангадхай, замучившись от неимоверной жары, насланной Гэсэром, купается в жёлтом море; предлагает двум мальчикам-голышам посостязаться в меткости, подстрелив конский катыш на его голове. В отличие от архаической традиции, у него отсутствуют рога, нет и многочисленных голов. Гэсэр, одурманенный напитком забвения, пасёт телят этого мангадхая. Другой враг Гэсэра – Лобсогой мангадхай представлен в эпосе как человек, хотя портретная характеристика его в этом качестве отсутствует. Похитив с помощью хитрости и коварства жену героя – Урмай Гохон, превратив самого Гэсэра в осла, пашет на нем землю. Три старшие сёстры Лобсогая (*гурбан Ёнхобой эгэшэ*) по своим повадкам и поведению также не отличаются от людей, а в унгинском эпосе «Алтан Шагай» сказителя Н. Тужинова, Три Бойбэр мангадхая (*гурбан бойбор мангадхай*), вооруженные 80-саженными саблями, приезжают поохотиться к Трём бурливым морям Сольё и забавляются поочерёдно стрельбой из лука.

Интересно отметить, что при единоборствах героя с чудовищами, их многочисленные головы или другие атрибуты никогда не упоминаются, они просто «забываются». Герой борется с ними как с обычными «человеческими» противниками.

В поздних записях унгинских улигеров наблюдается тенденция к изображению многоголовых чудовищ в виде легионеров, глупых простаков. Так, в улигере «Девушка Тэбэг Ногон абахай» [Хангалов, 1960, с. 299] героиня обманывает преследующего её мангадхая, сказав, что перешла море, привязав к подолу камни, и тем самым топит его. Комичность образу 58-голового чудовища придаёт и то, что некоторые его головы от радости поют песни, другие разговаривают о предстоящей свадьбе, третьи рассказывают сказки, а четвертые курят табак.

Мангадхай в героико-эпических произведениях представлены как олицетворение Зла на земле. Они всегда настроены враждебно к герою, никогда не выступают в роли благодетеля/дарителя. Постоянно стремятся разрушить мир эпического героя – уничтожить его потомство, похитить жену, захватить имущество. Кроме неимоверной физической силы, они владеют искусством оборотничества и характеризуются как всеильные маги, колдуны (*айха бүтэ абатай юм, шэрээхэ бүтэ шижитэй юм*). Наиболее сильных, неуязвимых чудовищ герой побеждает лишь хитростью, смекалкой, уничтожив его «внешнюю» душу (*ами хүлдэ*), хранящуюся в недоступном месте, либо поразив уязвимую «точку» на теле врага, являющуюся средоточием его души.

Самым сильным противником Гэсэра в унгинском эпосе представлен бессмертный, не имеющий души, Лобсогой Чёрный мангадхай, хитростью похитивший его жену Урмай Гохон и превративший его самого в осла. Гэсэр заточает чудовище в глубокое каменное подземелье; ставит сторожей с железными колотушками, чтобы не давали врагу выйти наружу. В данном варианте он мотивирует свой поступок тем, что нельзя убить Лобсогая – иначе высохнут реки, пожухнут травы. А в других – ему просто не хватает сил, чтобы окончательно уничтожить его.

Образ Лобсогойдоя далеко неоднозначен и требует более глубокого изучения, т.к. за ним вполне устойчиво просматривается связь с землёй, плодородием, производящими силами земли (сравн.: в варианте П. Петрова чудовище заставляет Гэсэра пахать землю; а в имегеновской версии – Гэсэр закапывает Лобсогая в землю). По всей вероятности, изначально предшественником образа Лобсогая был хтонический персонаж – Хозяин земли.

Таким образом, мангадхай в улигерах функционально выступают: а) как потенциальные убийцы малолетних детей – потомства героев, как, например, в улигере «Тодой Баян хан» сказителя Б. Донкина; б) в качестве соперников в сватовстве; в) похитителей жён героев; г) грабителей – захватчиков имущества (скота, табунов), угона домочадцев и подданных. В архаичной эхирит-булагатской традиции они изображены как: д) чудовища-поглотители и е) людоеды («Осодор Мэргэн», «Богатырь и Ангир мангадхай»). Рудиментарно эти свойства мангадхаев сохранились в монгольском эпосе «Бум-Эрдэни», где мангусы ежегодно забирают три тысячи 3-летних мальчиков и пожирают.

Исходя из вышеизложенного, приходим к выводу, что изображение этих чудовищ в улигерах ещё не обрело реалистические портретные характеристики, оставшись на мифологическом уровне, хотя некое эволюционирование в сторону антропоморфизации, наблюдается. Образы мангадхаев полистадиальны и многослойны, т.к. предшественниками их были, очевидно, более древние мифические персонажи: злые духи природы или животные, как, например, змеи. Возможно, Н. Поппе прав, когда пишет, что теперь мангус иного значения как «злой дух» не имеет, но в «Сокровенном сказании» «manγus» засвидетельствовано в значении «большой змей», «удав» или «исполинский змей». Учёный допускает также, что с образом мангуса-змея могли слиться воспоминания о племени «мангут», враждебном Чингис-хану [Поппе, 1937, с. 93-94]. По этимологии данного термина можно добавить, что у бурят и калмыков «мангад» имеет значение: чужеродец, человек иного племени, чужак. Так, например, в быту калмыки представителей народов Кавказа называют «уулын мангад», т.е. горцами, жителями гор.

Литература

- Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 1995. 406 с.
- Балдаев С.П. Избранное. Улан-Удэ: Бурят.кн.изд-во, 1961. 255 с.
- Еренсей. Подготовка текста, перевод и прим. М.П. Хомонова. Улан-Удэ, 1968. 207 с.
- Николаева Н.Н. Отрицательные женские персонажи в героическом эпосе бурят: функции, семантика и поэтика. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 2008. 106 с.
- Поппе Н.Н. Халха-монгольский героический эпос. М.-Л., 1937. 128 с.
- Хангалов М.Н. Балаганский сборник // Труды ВСОРГО. Томск, 1903. С.79-122.
- Хангалов М.Н. Собр.соч. Т. 3. Улан-Удэ: Бурят. кн.изд-во, 1960. 421 с.